

(Евр. 13 г. — 7). Въ силу этой апостольской заповѣди мы должны взирать на проповѣдь, жизнь и вѣру наставниковъ и подражать имъ. Ты слышалъ, какъ учить мученикъ Іустинъ о крестномъ знаменіи, послушай, какъ учить о томъ же Тертуліанъ (о вѣнцѣ война гл. 3, о молитвѣ Господней гл. 12, «при всякомъ шествѣи и передвиженіи, при входѣ и выходѣ одѣваясь и обуваясь, при умываніи, передъ трапезою, зажимая огонь ложаешь въ постель, садясь на мѣсто оградяйте чело свое знаменіемъ креста.»)

Вотъ свидѣтельство священномученика Кипріяна (о единствѣ церкви): «служащіе Господа на чело изображаютъ крестное знаменіе».

Свидѣлствуютъ о знаменіи крестномъ многіе и многіе отцы: Іпполитъ-учитель 3 вѣка, Василій Великій, Кирилль Іерусалимскій, Златоустъ, Ефремъ Сиринъ.

Говоря о послѣднемъ врагѣ рода христіанскаго — антихристѣ, святой отецъ Ефремъ Сиринъ написалъ: антихристъ тѣмъ, кои примуть его, положить печать на правой рукѣ, а такъ же на челѣ, чтобы человѣку не было уже возможности правою рукою напечатлѣть крестное знаменіе и такъ же на челѣ назнаменовать святое имя Господне или славный и честный крестъ Христа и Спасителя нашего (часть 2 л. 254 твор.)

Неужели мало тебѣ, Трифонъ, такого облака свидѣтелей за крестное знаменіе?

Прощай, «Юхимъ», мнѣ пора домой.

Домой-то ты пойдешь, только знай, Трифонъ, отъ краткаго апостольскаго напоминанія и подробнаго и яснаго ученія отцовъ церкви о крестномъ знаменіи никуда не уйдешь.

Прот. В. Сильверъ.

Трезвость въ деревнѣ.

(Изъ пастырскихъ наблюдений).

Ужасная, безпримѣрная въ исторіи человѣчества война, въ которую вовлечена волею судьбы наша Родина, заслонила собою всѣ другіе интересы: всѣ явленія внутренней народной жизни, которые не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ

войнѣ, какъ бы важны они ни были, отодвинулись на задній планъ, какъ малозначущее, второстепенное и хотя находять откликъ въ печати, но сравнительно слабый и мало занимаютъ мысль читателя. Всѣ заняты войною, все для нея... У всѣхъ въ мысляхъ и на устахъ Восточная Пруссія, Варшава, Галиція, Перемышль Карпаты и т. д. и т. д., а теперь еще Турція, Черное море, Дарданеллы...

Между тѣмъ въ Россіи совершилось великое дѣло: сокрушенъ страшный врагъ, не менѣе страшный, чѣмъ «брошированный кулакъ» варвара-нѣмца—разумію прекращеніе продажи водки. Сокрушенъ «Зеленый Змій», нѣтъ болѣе «проклятаго пошла»! Слава Богу, слава нашему Царю-Батюшкѣ! Достаточно было одного могучаго Царскаго слова, и отрезвѣла Святая Русь: «Знать горячая молитва—раззоренныхъ, обездоленныхъ дѣтей, женъ и матерей—долетѣла до Царя»... И въ настоящее время, какъ и въ достопамятный день 19 февраля 1861 года, можно было въ Высоты Престола возгласить народу русскому: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови Божее благословеніе на твой свободный, *трезвый* трудъ»... Несомнѣнно, мы-свидѣтели какъ великой титанической борьбы народовъ, такъ и второго, не менѣе важнаго, раскрѣпощенія русскаго народа...

Деревни теперь не узнаешь. Осень, самое денежное въ деревнѣ время, сезонъ свадебъ и храмовыхъ праздниковъ, т. е. «сезонъ» самаго страшнаго, безудержнаго разгула, сопровождаемаго неразлучнымъ спутникомъ—хулиганствомъ во всѣхъ видахъ,—настоящая осень проходитъ самымъ мирнымъ образомъ, тихо-тихо... тише самыхъ святыхъ дней въ году, какъ напр., (въ смыслѣ воздержанія) страстная седмица. И тогда, въ великіе, святые дни, нѣтъ-нѣтъ да и увидишь на улицѣ пьянаго, вдругъ да и рѣзнетъ слухъ скверная ругань. Теперь благодареніе Богу!—ничего этого нѣтъ и въ поминѣ...

Мало того, что нѣтъ бьющаго въ глаза пьянства, сквернословія и хулиганства,—у крестьянина появились свободныя деньжонки: на базарахъ бойко идетъ «красный» товаръ, много работы портнымъ, «пимокаты» завалены работой. Бывшіе пьяницы-бездомовники какъ переродились: хлопчуть по хозяйству, работаютъ не хуже другихъ, каждая копеечка цѣла...

Многіе изъ бывшихъ бездомныхъ пьянчужекъ поправили старыя избы, а иные построили даже новыя, огораживаютъ и покрываютъ дворы, заводятъ скотину. Работаютъ и приговариваютъ: «экую благодать-то Господь послалъ! Нѣтъ окаянной водки!» А дѣти и жены на нихъ не нарадуются...

Весьма интересно сопоставить нѣкоторые типы изъ бывшихъ въ когтяхъ «Зеленаго Змія»: что они были прежде и что стали теперь. Получается картина въ высшей степени утѣшительная; наблюдается совсѣмъ обратное тому, что говорится въ извѣстномъ стихотвореніи Кольцова «Что ты спишь, мужичекъ?»

Приведу нѣкоторые, наиболѣе яркіе примѣры.

Ходимъ по приходу съ молебнами въ вешній храмовой праздникъ (9 мая, праздникъ св. Николая Чудотворца). Вотъ избушка плотника Тимофея Гвоздилина. Въ избѣ, правда, къ празднику прибрано довольно чистенько, но вездѣ проглядываетъ страшная бѣдность: сѣни разваливаются, не покрыты, дворикъ тоже раскрытъ; скотины не видать...

— Что же хозяина-то у тебя не видно? Дома нѣтъ? — спрашиваю хозяйку. Та только безнадежно машетъ рукой.

— Найдешь хозяина... Какъ же? Штатается, Богъ знаетъ гдѣ. Придетъ когда пьяный, набезобразитъ и опять пропадетъ на цѣлые дни. Что заработаетъ, пропьетъ. Чего ужъ тамъ... Знаешь, чай, каковъ у меня мужикъ-то? Горе одно...

Вотъ изба Антипа Верхова. Жилъ онъ хорошо: имѣлъ пять лошадей, двѣ коровы, было много всякаго и другого добра. Запилъ мужикъ, и все быстро пошло на убыль. Теперь у него осталась всего одна лошадь, а коровы совсѣмъ нѣтъ.

Въ избѣ хозяина тоже, конечно, нѣтъ.

— Дома нѣтъ Антипа? спрашиваю его жену.

У нея сразу навертываются на глазахъ слезы.

— Дома. Какъ увидалъ, что идете съ иконою, схоронился, ушелъ, надо-быть, на гумно. Стыдно зенкамъ-то...

— Пьетъ все?

— И... и не дай Богъ! Пить-то бы ладно, въ карты теперь еще взялся играть. Соберутся въ шинкѣ, винище локаютъ и играютъ по цѣлымъ ночамъ въ карты на деньги. Ты

хоть бы помолился за него, батюшка: авось образумится мужикъ...

Выходимъ изъ избы. Пока идемъ до другой, сопровождающей насъ церковный староста сообщаетъ объ Антипѣ «дополнительныя свѣдѣнія»: Вѣда, какъ свертѣлся этотъ Антипка! Знаете что: недѣли три тому назадъ поѣхалъ онъ на базаръ въ Дѣдово, повезъ возъ онса продавать, а оттуда и пришелъ вѣшій... Проигралъ въ орлянку и овесъ и кобылу... Вотъ каковъ Антипка-то!

— Не можетъ быть!—не вѣрю я.

— А что мнѣ врать-то? Спросите кого угодно. Жена-то, знамо, не сказала—совѣстно за мужа. Непутевый, пропащій мужикъ. До чего довела его водка, а?...

— Дѣйствительно...—только и оставалось мнѣ сказать.

Кого еще взять изъ бывшихъ въ плѣну у «Зеленаго Змія»? Возьмемъ Самсона Зайчикова. Самсонъ—хорошій портной, можно сказать, золотыя руки, но, какъ это къ несчастію болѣе всего наблюдается, «обладатель золотыхъ рукъ» имѣетъ «ненасытную глотку». Несмотря на то, что Самсонъ нерѣдко зарабатываетъ до трехъ рублей въ день, живетъ онъ очень-очень бѣдно. Избенка у него влохая, подперта снаружи колыями, разбитыя стекла въ окнахъ заткнуты тряпками въ избенкѣ бѣдность... Семья у него большая и если бы не старшій сынъ, который работаетъ за троихъ, то ребятишкамъ пришлось бы итти по міру, потому что Самсонъ «сроду какой ни-на-есть копеечки не приносилъ въ домъ», какъ говоритъ его жена. Последняго разговора съ женой и сыномъ Самсона, при посѣщеніи въ храмовой праздникъ, приводить уже не буду—придется повторяться.

Ограничимся этими тремя лицами, хотя бы можно ихъ привести по меньшей мѣрѣ десятка полтара. Я не говорю уже о такихъ, которыхъ нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ пьяницами, которые, какъ говорится «зашибаютъ» временами—такихъ сотни...

Теперь остается вспомнить и записать наблюденія—последняго хожденія по приходу (около 10 октября, «съ новинкою»)

Начну опять съ Тимоея Гвоздила. Вхожу къ нему во

дворъ. Смотрю—диво: Тимошей работаетъ на дворѣ, налаживаетъ стрепила на сараѣ.

— Богъ въ помощь! Работашь?

— Спасибо, батюшка. Какъ же! Вишь, дворинско-то развалился, надо поправить.

— Надо, надо... Помогай тебѣ Богъ!

Вхожу въ избу.

— Какъ теперь твой Тимошей? Исправился, небось? спрашиваю его жену.

— Видали, чай? Слава Тебѣ, Господи! Работаетъ не хуже кого другого: хлѣбецъ убрали, обмолотили, все какъ слѣдуетъ.

Антипа Верхова, проигравшаго возъ овса и лошадь, дома не было—уѣхалъ за лѣсомъ. Жена его сама, не дожидаясь моего вопроса, крестится широкимъ крестомъ и говорить: «Дошла моя молитва до Царя Небеснаго. Свѣтъ теперь увидала. Мужикъ-то мой какъ переродился! Работаетъ, не покладая рукъ. Милость Божія»...

— Небось, на лошадь зарабатываетъ?— улыбаюсь я.

— А вы слышали тоже? Да... До чего обуялъ его тогда бѣсъ! Извѣстно, былъ пьянъ, умъ пропилъ и нарвался на такихъ ловкачей... И лошадка-то была такая добрая, телѣга почти новенькая, колеса шинованныя, да возъ овса тоже не шутка. Вскочила въ конеечку ему тогда орлянка.

— Заработаетъ Богъ дать и лошадку и телѣгу. Даль бы Богъ здоровья.

— Вѣрно, батюшка. Нѣтъ проклятушей водки, все будетъ: и лошадки, и коровки...

Портной Самсонъ успѣлъ уже перестроить свою избу и пристроить новыя сѣни. Самого хозяина засталъ я дома: сидитъ за швейной машиной, работаетъ.

— Богъ въ помощь! Какъ поживаете?

— Спасибо. Слава Богу, живемъ помаленьку.

— Какъ же безъ водченки-то, дядя Самсонъ? Трудновато, поди?

Всѣ семейные улыбаются, улыбается благодушно и самъ Самсонъ.

— Дѣйствительно, трудно было спервоначалу, а теперь ничего, привыкъ. Да и то сказать — привыкнешь, небось, коли нигдѣ его не достанешь, винца-то.

— И святое дѣло, что достать негдѣ. Молитесь Богу за Царя-Батюшку. Не запрети Онъ продажу водки, не было бы у васъ этой прекрасной избы. Вѣрно вѣдь? Вишь какъ славно построились!

— Такъ-то оно такъ, — раздумчиво говоритъ Самсонъ: — только слѣдовало бы Царю издать приказъ: выдавать мастеровому, портному, напимѣрь, въ день по стаканчику, а мужику чтобы ни-ни...

— Видишь, какъ умно онъ разсудилъ! — Смѣюсь я. — Мастеровымъ по стаканчику... А довольно будетъ тебѣ стаканчика? Второго и третьяго захочешь, непременно захочешь. Прежде-то чего не пилъ по одному стаканчику? Вѣдь не насильно же въ тебя вливали. Пить вы не умѣете, вотъ въ чемъ горе! Почему и запретилъ Царь продажу водки. Вѣрно вѣдь?

— Правда это, чего и говорить, — говоритъ Самсонъ и лѣзетъ рукою въ затылокъ. Семейные смѣются.

Сказанное вполне достаточно обрисовываетъ трезвую деревню... Можно-бы еще сказать о кузнецѣ Панфилѣ, который говорилъ на сходѣ, когда постановляли общественный приговоръ о закрытіи винной и пивной лавокъ въ нашемъ селѣ, что онъ, Панфилъ, не можетъ жить безъ водки, недѣли не проживетъ — «потому наша работа такая: вынь да выложь инѣ парочку хорошихъ стаканчиковъ въ день!» — и который работаетъ теперь отлично и чувствуетъ себя прекрасно... О землеколѣ Уварычѣ («первый мастеръ на всю губернію насчетъ рытья колодцевъ! Носомъ чую, гдѣ въ землѣ вода неглубоко», — говоритъ о своемъ «талантѣ» самъ Уварычъ) этого «талантливаго» рыльщика колодцевъ я никогда не заставалъ дома и встрѣчалъ только гдѣ нибудь на улицѣ и непременно пьянымъ; теперь и онъ живетъ степеннымъ мужикомъ, а жена имъ не нахвалится... Можно сказать много о Ларивонѣ... Но довольно...

Да сохранить Господь, на благо и счастье Святой Руси на многая, многая лѣта Государя Императора!

Свящ. С. Васильевъ.